

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)1.

Е.В. Никольский

**ИЗОБРАЖЕНИЕ
«ГРАФА» КАЛИОСТРО
В МИСТИЧЕСКОЙ
ДИЛОГИИ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА**

Рассматривается восприятие великого авантюриста, мнимого графа Калиостро в исторической прозе Всеволода Соловьева (1849 – 1903). Автор отмечает, что, при отсутствии достоверных сведений о деятельности Калиостро, его традиционно трактовали как искусного плута и мошенника, представителя галантного века. Всеволод Соловьев в своих романах интерпретирует Калиостро как архетипический прообраз Антихриста.

Ключевые слова: *историческая проза, галантный век, Калиостро, интерпретация исторических личностей в художественной прозе, архетип антихриста.*

Никольский Евгений Владимирович – канд. филол. наук, доцент, докторант Института мировой литературы и искусства
Тел.: 8-964-712-11-91
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Исторических документов, относящихся к личности авантюриста Алесандро Калиостро, известного также под именем Джузеппе Бальзамо, сохранилось несчетное множество. Однако очень значительная их часть недостоверна. Поэтому «подойти» к истинному Калиостро нелегко, но, в конце концов, далеко не во всех случаях в этом есть необходимость: исторический интерес представляет не столько личность «графа» Калиостро, сколько условия, его породившие. При отсутствии достоверных данных открывается широкий простор для художественной интерпретации, как символической, так и этической. В XIX в. большинство авторов, размышлявших о Калиостро, определили его, по выражению Стефана Цвейга, на позорную скамью шарлатанов, разве что признав за ним достоинство, согласно Т. Карлейлю, наиболее «совершенного из шарлатанов» [Каграманов, с. 89].

Как известно, в XIX в. о Калиостро писали Александр Дюма (романы: «Ожерелье королевы», «Жозеф Бальзамо», «Воспоминания одного врача»), а также Жерар де Нерваль, Витторио Альфьери, Артур Шницлер и другие. Авантюрист фигурирует также в оперетте Иоганна Штрауса «Калиостро в Вене». В русской исторической прозе образ великого авантюриста раскрывали Е. Карнович («Калиостро в Петербурге» и «Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий»), В. Зотов («Гр. Калиостро»), М. Кузмин («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), А.Н. Толстой («Граф Калиостро»). В основном

герой изображался как своего рода баловень судьбы, ловкий мошенник и представитель галантного века, проявлявший свою неординарность накануне Великой французской революции.

В таком же ракурсе С.А. Васильева интерпретирует образ Калиостро в исторической прозе Всеволода Соловьёва (мистическая дилогия, романы «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер»). По её словам, известный авантюрист изображен *«неоднозначно: с одной стороны, он творит добро, помогая бедным, исцеляя больных; с другой стороны, он – авантюрист и мошенник. Но, несмотря на двойственное отношение к Калиостро, автор не забывает о налете таинственности при его изображении, поэтому многие события так и остаются до конца не прописанными и не проясненными, а читатель сам в каждом конкретном случае решал: совершал ли Калиостро чудо, или это было мошенничество»* [Васильева, с. 77].

Мы не можем полностью согласиться с такой трактовкой данного персонажа. На наш взгляд, в мистической дилогии Всеволода Соловьёва, созданной в 1880-х гг., Калиостро являет собою архетипический прообраз Антихриста. В Новом Завете содержится тезис о том, что Антихристу, финальной фигуре истории нашей цивилизации, будут предшествовать *«антигерои, частично воплотившие в себе определенные его черты»* [Кураев, с. 16]. Такой антигерой не выдерживает испытаний, которые не сломили Иисуса Христа: искушения хлебом (шире – земными, материальными благами), властью (в любых проявлениях, в том числе и через благотворительность с целью создания ложного имиджа благодетеля и народного заступника), искушения чудом, а также силой знания.

Соловьёвский «граф» Калиостро проходит через все соблазны, которые он не смог одолеть, и попадает в духовный плен к темным силам. Искушение «хлебом» для него – встреча с ростовщиком-евреем, которого он пустил по миру, завладев его богатством. Искушение «чудом» – обучение тайной мудрости, магии и целительству у розенкрейцеров. Искушение властью – в данном случае то, что на короткое время Калиостро, согласно соловьёвскому описанию, стал «властителем душ» в «просвещенной» Франции. Искушение знанием – обучение у розенкрейцеров, освоение их эзотерических доктрин, практик гипноза и целительства.

В дилогии отражен жизненный путь авантюриста от путешествия в Россию до смерти в тюрьме инквизиции. Вс. Соловьёв описал, как после приезда Калиостро в Санкт-Петербург стали распространяться слухи, будто бы он умеет беседовать с душами умерших, читать мысли, предсказывать будущее, а главное – знает тайну вечной жизни и то, как превращать свинец в золото. Его темный глубокий взгляд завораживал. На фиолетовой мантии розенкрейцера сверкало огромное количество бриллиантов. Однако не богатство заезжего иностранца вызвало интерес у привыкшей к роскоши светской публики российской столицы, а слухи о его невероятных и чудесных способностях. У дома чародея собирались

толпы любопытствующих; каждое аристократическое семейство старалось его пригласить в свой салон.

Таким его изображает Всеволод Соловьев в романе «Волхвы»; а в «Великом Розенкрейцере» он разоблачает своего героя с нравственных позиций. Если светская чернь принимала авантюриста с восторгом, то мудрая и проницательная царица Екатерина II (описав Государыню в нескольких своих произведениях, Вс. Соловьев постоянно подчеркивал именно такие свойства ее характера), поняв его истинную сущность, отказалась «графа» принять и навсегда выслала из России.

Противодействие Антихристу со стороны православного монарха – предание богословски спорное, но косвенно соотносящееся с исследуемым архетипом. Значительно более достоверно в данном случае то, что антигерой, действуя по своему эгоистическому произволу, разрушает институт семьи. Взаимоотношения Калиостро с прекрасной Лоренцой далеки от норм брачного союза: розенкрейцер использует её как средство для достижения своих как политических (через оболыщаемых ею вельмож и сановников), так и эзотерических (через оболванивание менее знатных особ) целей.

В диалогии яркую оценку авантюристу дает его жена, которая, несмотря на то что стала его жертвой, в глубине души осталась набожной католичкой. Введенная в состояние гипнотического транса своим супругом, она «исповедуется» ему: *«Мой муж был колдун, и я помимо своей воли была его помощницей в колдовстве. Он владеет мною посредством тайной силы... Он отдал душу дьяволу и погубил мою душу.»* [Соловьев, 1991, с. 309].

Наиболее значим и весом взгляд православных жителей Санкт-Петербурга на «итальянского графа»:

«– Какой там чудотворец, какой благодетель?! – просто еретик, колдун. Действует он дьявольской силой... Он и приехал сюда, чтобы губить христианские души! Может, болезни какие и вылечит на недолгое время, а душу-то погубит!» [Соловьев, 1991, с. 384 – 385].

Повествуя о судьбе Калиостро, писатель отмечает, что мнимый аристократ много путешествовал по всем европейским столицам. И повсюду разыгрывался один и тот же сценарий. Вначале его встречали овациями и прославляли как великого мага, пророка и медиума, общающегося с духами и способного возвращать ушедшую молодость; немногим позже всплывали темные истории с подделками, мистификациями и обвинениями в мошенничестве.

Во второй части автор, не останавливаясь подробно на описании турне Калиостро, повествует об эффекте, который произвел авантюрист на общество тех лет: *«...весь Париж, первый центр европейского умственного движения, будет нарасхват раскупать эти бюсты и с благоговейным молитвенным трепетом читать надпись под ними «**Божественный Калиостро**»* (подчеркнуто нами. – Е.Н.). *Изумительному иностранцу будут воздаваться царственные почести, и сам король Франции издаст указ, по которому малейшее оскорбление, нанесенное Калиостро, будет*

признано оскорблением Его Величества.» [Соловьев, 1994, с. 79]. Согласно известной историософской закономерности, апогей становится началом конца. Писатель подробно не описывает судьбу мнимого графа после произведенного им триумфа во Франции, но финал его жизни освещает подробно.

Сцены гибели авантюриста в романе «Великий Розенкрейцер» исполнены особо яркой символики. Точных сведений о смерти прототипа антигероя, к сожалению, не сохранилось. Только известно, что, когда в 1797 г. войска Наполеона вошли в Рим, Бонапарт распорядился найти и освободить Калиостро. Но его камера «*в тюрьме святой инквизиции была пуста*» [Карнович, с. 121–122]. Современный историк О.А. Платонов пишет, что в 1791 г. Калиостро, схваченный инквизицией как еретик и сатанист, «*был приговорен к сожжению на костре, впоследствии был помилован и остаток жизни провел в тюрьме*» [Платонов, с. 197]. В мрачной камере Калиостро провёл четыре года. После того как он умудрился без каких-либо инструментов «превратить» ржавый гвоздь в прекрасный стальной стилет, испуганные стражи заковали его в цепи. Джузеппе Бальзамо умер 26 августа 1795 г. По свидетельству одних — от пневмонии, другие утверждают, что от яда, подсыпанного ему тюремщиками.

Вс. Соловьев не воспроизводит эти факты из биографии известного авантюриста, но использует одно из фольклорных преданий, повествующее о конце «графа». Обманом заманив к себе в камеру священника-доминиканца, Калиостро убил его и покинул тюрьму: «*<...> он шел дальше, и, чем дальше он шел, тем быстрее становились его шаги. Свежий воздух пьянил его, во всем теле чувствовалась слабость. <...> Он не мог идти дальше и почти упал на землю. Все темнеет в глазах, а в ушах слышится одно только слово: "Убийца! Убийца!" Невыносимый, отчаянный страх охватил его; такой страх, какого он ни разу не испытывал в жизни. Ему чудится, что, будто его преследуют, гонятся за ним какие-то страшные призраки... Он слабо вскрикнул, потом захрипел и упал на землю бездыханный.*» [Соловьев, 1994, с. 227].

Писатель использует известный в христианской литературе сюжет о смерти нераскаявшегося грешника. Вся жизнь Калиостро была построена по принципу «угождения самому себе», его целью было достижение славы, а не смиренное служение людям, по евангельскому учению. Все это способствовало разжиганию антихристовой гордыни, которая лишь усиливалась от овладения тайным знанием розенкрейцеров.

Как показал в своём романе Вс. Соловьёв, в душе Калиостро не было места ни Христу, ни Его благой вести. Дж. Бальзамо, стремясь стать благодетелем человечества и осыпая милостью бездомных, мечтал занять (если не в бытии, то в сознании людей) место Бога. Ему это в какой-то мере удалось, но затем последовал неминуемый крах. Калиостро всю свою жизнь посвятил достижению изобилия земных благ и всемирной славы. Самые добрые дела становились для него лишь средством, а не целью существования. В его жизни не было места образу мыслей и действий, который проповедовали последователи Христа. Смерть — итог

жизни, ее финальная точка, в которой смыкаются навечно все нити человеческого бытия. Конец «благодетеля человечества», скончавшегося после убийства священника, который проявил к нему сочувствие, вполне закономерен. Введя в роман эту сцену, романист показал, к чему может привести обладание тайным знанием, если человек отрицает веру в Бога, не верует в Него не только как в Творца всего сущего, «видимого и невидимого» (православный символ веры), но и как в Высшего Судью.

Итак, в своей мистической диалогии Всеволод Соловьев создал нетрадиционный для русской и европейской литературы образ «графа» Калиостро, изобразив его не как ловкого и удачливого авантюриста, а как антигероя, лжеца и обманщика, окончившего свой земной путь после совершения тяжкого преступления.

Литература

- Васильева С.А.* Беллетристика Всеволода Соловьева. Тверь, 2009.
- Каграманов Ю.М.* Граф Калиостро (Из истории идеологии и культуры второй половины XVIII века) // Новая и новейшая история. 1979. № 5.
- Карнович Е.П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884.
- Кураев Андрей*, диакон. Страшный суд и тайны Апокалипсиса. М., 1999.
- Платонов О.А.* Терновый венец России: иудаизм и масонство против христианской цивилизации. М., 1999.
- Соловьёв Вс.* Волхвы. М., 1991.
- Соловьёв Вс.* Великий Розенкрейцер. М., 1994.